

JAROSŁAW J. GRZĘDOWICZ

WYPYCHACZ
ZWIERZĄT

ЯРОСЛАВ ГЖЕНДОВИЧ

ТАКСИДЕРМИСТ

Перевод с польского: Кирилл Плешков

Москва
Издательство АСТ

Хобби тетки Констанции

— **А**минь,— нараспев произнес ксендз, и сделанный из красного дерева гроб тетки Констанции мягко, будто погружающаяся подводная лодка, опустился на холщовых ремнях в яму.

Все было как положено — старое кладбище, окутанные туманом позеленевшие каменные надгробия, голые ветви деревьев, воронье карканье и небольшая группа одетых в черное родственников. Настроение портили лишь позвякивающая музыка из наушников моей двоюродной сестры и полные ненависти взгляды остальных участников церемонии. Вид у них был такой, словно им очень хотелось помочь мне броситься в яму вслед за гробом, а потом быстренько засыпать могилу и сплясать на ней качучу.

На похоронах стариков редко доходит дело до горестных рыданий. Тетка прожила очень долго, до самого конца оставаясь в добром здравии. Судьба избавила ее от постыдных симптомов старческой деменции. Горевать не о чем, поскольку смерть человека

в таком возрасте вряд ли может стать для кого-то шоком. Тетка казалась неуязвимой, до последних дней ведя активную жизнь. Еще пару лет назад она путешествовала по миру, и вдруг одной февральской ночью тихо и спокойно угасла во сне, будто Бог отключил ее от сети.

Каждому бы так хотелось.

Когда я спросил врача скорой о причине смерти, тот лишь буркнул в ответ: «Девяносто два года, чего вы еще ожидали?»

С того момента началась моя жизнь. Я покинул братство бездомных. Пришел конец моим скитаниям, попыткам существовать на четырех квадратных метрах комнаты в квартире родителей. В двадцать восемь лет я стал человеком, имеющим крышу над головой — благодаря тетке. Я вовсе не был ее ближайшим родственником, просто меня она любила, а остальных — нет. Вот почему она переписала на племянника свою квартиру вместе с обстановкой, да еще и оплатила услуги нотариуса.

Именно потому по окончании похорон все молча разошлись, каждый в свою сторону, и никто на меня даже не взглянул.

Я украл у них теткин квартиру.

Лишь заперев за собой дверь на засов и положив связку ключей на комод, я понял, насколько все изменилось. Мои ключи. На моем комодe.

И впервые в жизни — моя собственная дверь.

Квартира, в которой я бывал тысячу раз, выглядела чуждо и странно. Дом окружал меня запахом тетки, ее привычками и чуждачествами. Я не большой

любитель древностей и не верю в сокровища в громадных сундуках на чердаке. Я чихаю, просматривая старые бумаги. У меня не лежит душа к фарфоровым безделушкам. А теперь мне предстояло среди них жить.

Первым кошмарным открытием стала кровать. Кровать с разворошённой постелью, в которой умерла тетка. Я не смог бы на нее лечь. Белье выбросил, но это мало чем помогло. Я знал, что придется выбросить и кровать. В холодильнике на блюде лежал надкушенный ломоть хлеба с сыром. Фарфоровые зубы тетки оставили на бутерброде след в виде полу-месяца.

Стол. Круглый столик, за которым она встречалась со своими четырьмя подругами. Они сидели за чаем, пирожными и вареньем, а потом, осушив очередную бутылку «Бабушкиной наливки», зажигали свечи, брались за руки и вызывали духов. Круглую крышку когда-то покрыли резьбой и инкрустацией в виде странных знаков: посередине переплетающиеся многоугольники, украшенные непонятными символами, а вокруг них кольцо с узорчатыми буквами алфавита. По этой крышке тысячи раз скользила специальная тарелочка, которую вели соединенные руки пяти старушек, желавших пообщаться с умершими.

А теперь умерли они сами. Тетка была из них самой старшей, но ушла последней. Конец.

Больше никаких шабашей.

Теперь тут будут стоять подносы с бутербродами, бутылки, иногда мой ноутбук. Фигурки, сложенные в

картонные коробки, отправятся в подвал — так же, как и большая часть рассыпающихся справочников по оккультизму, книг тайного знания, амулетов и стеклянных шаров. Пламя свечей уже не будет беспричинно отклоняться от вертикали, и за шевелящимися от несуществующего сквозняка занавесками не замаячит призрак Мицкевича. Конец.

Теперь здесь живу я.

И все же я боялся первой ночи, проведенной на купленном в супермаркете надувном матрасе. В квартире царили необычная тишина и темнота. Куда-то исчезли звуки города — визг сирен, шорох шин, скрежет трамваев. Только тишина и торжественное тиканье больших часов, а также скрип старого паркета из-за перемены температуры, треск, с которым открывались покосившиеся дверцы шкафчиков, скрежет, с которым выдвигались и задвигались ящики.

Я знал, что со старой мебелью такое бывает. Вибрация. Температурные изменения. Слабые замки.

Но, несмотря на это, едва продержался до рассвета.

В последующие несколько дней я потратил все свободное время на наведение порядка в доме. Каждое утро закрывал открывшиеся дверцы и ящики, убирал вещи, странным образом вывалившиеся за ночь на пол. Выносил мешки старой одежды, коробки самого невероятного хлама и кухонной утвари, засохшей косметики. Но, несмотря на данное себе обещание, не притронулся ни к фигуркам, ни к картам Таро, ни к толстым фолиантам с тайными знаниями.

Отчего-то не посмел.

Все началось на третью ночь, когда я уже думал, что освоился в квартире. Я считал, что это всего лишь кошмарный сон.

Сперва было странное ощущение, будто я проваливаюсь сквозь матрас моей новой тахты и падаю куда-то в светящуюся пропасть. Я видел вокруг переливающиеся светящиеся силуэты, мелькавшие среди них морды странных пугающих созданий, лязгающие пасти, тянущиеся ко мне когти. А потом вдруг оказался голый в огромном зале с колоннами, под куполообразным потолком, где все сверкало чернотой, будто отполированный базальт. Вокруг кружили полупрозрачные призраки, покачиваясь, словно обрывки тонкого муслина. А где-то надо мной грохочущий голос с потолка задавал вопросы.

Странные вопросы — о ситуации в Ираке, что сказал какой-то политик, какая сейчас погода.

Иногда я знал ответ, а иногда нет, и тогда чувствовал разочарование допрашивавших меня существ — ледяное, понижывающее до мозга костей, почти болезненное. Все это походило на некую пытку.

Я проснулся весь в поту, зная, что это всего лишь кошмар. И все же на следующую ночь боялся заснуть.

Потом понял, что это был не просто сон — когда то же самое случилось посреди бела дня, на кухне, над кастрюлей с супом. Все то же самое — страшное бесильное падение сквозь туманный неоновый космос, а затем допрос в черном зале с колоннами. Десятки вопросов, холод пола и ужас.

Когда вернулся, оказалось, что я лежу на кухонном полу, а в кастрюле шипят и дымятся приклеив-

шиеся ко дну и стенкам обуглившиеся остатки моего супа.

Естественно, первым делом мне пришло в голову, что я сошел с ума. Но в это не так просто поверить, как кажется. Не считая странных приступов галлюцинаций, я рассуждал и вел себя как вполне нормальный человек.

Но как-то раз я оказался тогда не один. У меня гостила девушка. И мы вовсе не играли в карты.

Когда я очнулся на полу, ее уже не было. Она не отвечала на звонки, не хотела со мной разговаривать. Лишь несколько дней спустя я убедил ее рассказать, что случилось.

Она увиливала и выкручивалась, но в конце концов расплакалась и, нервно сплетая дрожащие пальцы, поведала мне всю историю.

Я исчез. Сперва стал в ее объятиях туманным и бес-телесным, а потом вдруг исчез. И она осталась одна.

Каждый бы на ее месте сбежал.

Лишь тогда я позвонил Адриану.

Адриан — единственный известный мне настоящий оккультист. Он размахивает маятниками, постоянно рассказывает про энергии, сущности и заклинания. В течение многих лет я относился к нему как к безвредному психу, но теперь уже не был в том настолько уверен.

Он приехал сразу же. Для таких, как он, это неожиданная удача, так же как для знахаря — таинственная африканская болезнь, донимающая знакомого ординатора. Я беспомощно смотрел, как он ходит по моей квартире с болтающимся на веревочке

грузиком в руке, как рисует на полу круги и буквы странного алфавита. Я слышал, как он бормочет себе под нос: «Ну и грохочет этот буфет, что тут вообще творилось?», «Этот портрет лучше бы снять», «А чем тут занимались, на этом полу?».

Мне самому хотелось все это знать. Я ждал диагноза. И мне даже в голову не приходило насмеяться.

— Возможно, квартира одержима духами,— наконец заявил он.— Говоришь, эта твоя тетка была оккультисткой? Думаю, за столько лет некоторые... сущности... в общем, духи, привыкли тут бывать. Теперь тетки нет, а они возвращаются. Либо сама твоя тетка чего-то хочет.

Стол привел его в восторг.

— Великолепно! Настоящее сокровище! Где она его взяла? С таким оснащением можно кое-что выяснить прямо сейчас.

И таким образом в моем доме вновь вспыхнули свечи, салфетка опять оказалась на стуле, и в гостиной снова наступили темные века.

Теткиным блюдечком мы не пользовались. Адриан подал мне одну руку, а другую, с маятником, вытянул над серединой стола. Мне полагалось лишь сидеть, положив руки на крышку, и не мешать, но я все равно чувствовал себя идиотом.

Вся процедура заняла не так уж много времени. Грузик сперва начал покачиваться, потом дергаться во все стороны, и наконец, отклонившись вбок, указал на первую, вырезанную на краю стола букву: «З». Потом на следующую, за ней на еще одну...

— ЗДРАВСТВУЙ, КШИТЬ, — читал Адриан. Волосы у меня встали дыбом. Меня обдало холодом, пламя свечей отклонилось в стороны. Я сглотнул.

— Здравствуй, тетя, — ответил я. Не слишком умно, но найдите кого-нибудь, кто знает, как себя вести в подобной ситуации. — Как там у тебя дела?

— СПЕРВА Я НЕМНОГО СКУЧАЛА, — деревянным голосом зачитывал Адриан. — НО ТЕПЕРЬ УЖЕ ВСЕ ХОРОШО. ТЕПЕРЬ Я ВЫЗЫВАЮ ЖИВЫХ.

Часовщик и охотник за бабочками

Прежде чем приготовить мне утренний кофе, экономка ходит за первыми покупками. На моем столе кое-что ежедневно должно быть свежим — рогалики с маком и тмином, пончики и булочки от Венцеля, коробка «египетских». А также «Время», «Ежедневный иллюстрированный курьер» и «Газета Польская».

Утро я начинаю с прессы. Это не те газеты, что в мои времена. Вы не найдете в них слова «оргазм» — пока что это неисследованное явление и в любом случае тайное. Вы не увидите женского соска, голых ног или ягодиц. Нет также понятий «менеджер», «видео-файл», «гипертекст», «концептуализм» или определения «теплая гейская атмосфера»...

Я пробегаю взглядом статьи, те бесстыдно обнажают точку зрения авторов, не знакомых с политкорректностью, и одновременно маскируют обычное невежество. Статьи, основанные на сплетнях, свидетельствах, сведениях, передаваемых по телеграфу

или телефону. Меня забавляют такие слова, как «референция», «сударыня» или «городовой», но лишь мимоходом, вызывая самое большое легкую снисходительность.

Я ищу слова, восприятие которых у меня особо обострено — имена, события. Некий признак того, что мир намерен пойти путем, знакомым мне по учебникам истории.

Через год наступит сентябрь тридцать девятого. И хотя я знаю, что ничего не произойдет, все равно прекрасно понимаю, что буду постоянно поглядывать на небо в ожидании бомб.

«**Н**ужно было заходить с пик, — мрачно подумал ксендз Гожельский. — И, может, еще не пить столько вишнёвой. Прямотаки грех. Наверное...»

Бричка тарахтела по гранитной мостовой, за шпалерами лип у самого горизонта начинало синеть небо. Близился поздний осенний рассвет. Гаврила хлестнул лошадей, стук копыт участился. Порывшись в кармане пальто, ксендз нашел папиросницу и спички. Широкая спина Гаврилы, как обычно в четверг, выражала лишь святое негодование, хотя возница не осмелился произнести ни слова. Ксендз сунул папиросу в пересохшие губы и загремел спичечным коробком.

«А еще не есть столько утятин, мать Божья, — продолжались молчаливые угрызения совести. — И столько паштета... Ну и еще колбаса из кабана и грибочки... И «Охотничья», боже мой... Сколько я

всего выпил? Не считая вина, естественно, вино — напиток евангельский. Хотя рябиновка вряд ли, — забеспокоился он. — Так же как арака, сливовица и английский виски. Рябиновка необходима для здоровья, но, боюсь, я пил еще какой-то коньяк, хотя нельзя же после ужина не выпить коньяка... Особенно французского...»

Спичка попала нужным концом о коробок, и отец Юзеф затянулся ароматным дымом.

«Надеюсь, я не делал никаких свинских предложений дамам. Вдова на прощание так странно улыбалась... Боже мой, насколько же слабо тело, — озабоченно подумал он. — А уж мое, похоже, слабо вдвойне. Что я ей наговорил? Ах да — я же танцевал!.. — Ксендз на мгновение очнулся, словно ударенный роковым воспоминанием. — И пел „журавейки“¹!.. Прости, Господи...»

Молчавший до сих пор Гаврила тяжело сплюнул сквозь зубы.

Бричка катилась сквозь плотный угольно-черный предрассветный мрак, среди деревьев висели полосы тумана, копыта звонко стучали по мостовой.

Первая вспышка хлестнула синей ацетиленовой голубизной в то самое мгновение, когда несчастный ксендз уже проваливался в тяжелый от угрызений совести сон. словно бесшумный удар молнии среди пустых пастбищ, яркий свет рассек дорогу полосами теней и исчез. Снова наступила темнота.

¹ Непрстойные куплеты, популярные в армии межвоенной Польши.

